

Конструкции с посессивными суффиксами и квантификаторами в пермских языках¹

Сердобольская Н.В.

Институт языкознания РАН / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Сердобольская Н.В.

Конструкции с посессивными суффиксами и квантификаторами в пермских языках

Аннотация: Посессивные показатели в пермских языках широко используются за пределами контекстов, традиционно выделяемых в литературе по посессивным показателям [Aikhenvald, Dixon 2013]. В частности, как известно, данные показатели могут выражать определенность имени [Schlachter 1960, Suihkonen 2005, Едыгарова 2010, Winkler 2011]. В силу этого, в литературе рассматривается гипотеза о грамматикализации данных показателей в функции определенного артикля [Fraurud 2001]. Однако есть ряд употреблений, которые прямо противоречат данной гипотезе: посессивные показатели регулярно используются в контекстах неопределенности (для обозначения элементов заданного множества или части целого), с неопределенными и вопросительными местоимениями, а также с квантификаторами и числительными. В настоящей работе предлагается объяснение данному явлению.

Работа основана на данных печорского диалекта коми-зырянского языка и бесермянского удмуртского. Используется материал, полученный методом элицитации, и корпусные данные.

Посессивные показатели в пермских языках не обладают свойством исключительности (exhaustivity) – свойство, характерное для посессивных местоимений в английском, французском и других языках [Simonenko 2017; Simonenko in press]. В результате, они могут отсылать к части определенного целого или к подмножеству определенного множества (напр., *в бочке лежали камни, и он взял **один камень***). В частности, возможно употребление данных показателей в контексте числительных, квантификаторов и местоимений, допустимых в контекстах части определенного множества/целого (напр., *кто из них, один из них, кто-то из них*). Во всех этих контекстах посессивные показатели используются для референциальной

---

¹ Работа поддержана грантом РФФИ № 20-512-14003 АНФ-а. Автор глубоко признателен участникам конференции «Linguistic Forum 2019: Indigenous languages of Russia and beyond» за обсуждение и комментарии.

отсылки, а не для кодирования определенного референциального статуса. Следовательно, функции посессивных показателей более адекватно описывать не в терминах определенности, а в терминах референциальной отсылки.

Ключевые слова: уральские языки, удмуртский язык, коми-зырянский язык, синтаксис, посессивные показатели, квантификатор, именная группа, определенность, неопределенность, референция, референциальный статус

Сердобольская Наталья Вадимовна

Институт языкознания РАН, 125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1

к.филол.н.

старший научный сотрудник

serdobolskaya@gmail.com

Serdobolskaya N.V.

Constructions with possessive suffixes and quantifiers in Permic languages

Possessive markers in Permic languages are widely used outside the contexts that have been described as possessive relations [Aikhenvald, Dixon 2013]. In particular, they can signal definiteness [Schlachter 1960, Suihkonen 2005, Edygarova 2010, Winkler 2011]. As a consequence, there are works that consider the hypothesis of grammaticalization of possessive markers in Permic as definite articles [Fraurud 2001]. However, they can be used in contexts that require an indefinite reading: first, they encode indefinite elements of a definite set or part of a mass; second, they occur with indefinite and interrogative pronouns; and third, they are used with quantifiers and numerals (in contexts of indefiniteness). The present paper offers an explanation of this phenomenon.

The work is based on the data of the Pechora dialect of Komi-Zyrian and the Beserman dialect of Udmurt. Both the elicitation and corpus methods are used.

The Permic possessive markers do not exhibit exhaustivity, which is observed with possessive pronouns in English, French and other languages [Simonenko 2017; Simonenko in press]. They can denote an indefinite part of a definite mass or an indefinite subset of a definite set (e.g., *there were some stones in the barrel, and he took **a stone***). Hence, they can be used with numerals, quantifiers and

pronouns that can introduce an indefinite part of a definite set or mass (e.g. *which of them, one of them, someone of them*). In all those contexts the possessive markers are used as referential devices, rather than markers of definiteness. Hence, their functions are adequately described in terms of reference, rather than in terms of definiteness.

Keywords: Uralic languages, Udmurt, Komi-Zyrian, syntax, possessive suffixes, quantifier, noun phrase, definiteness, indefiniteness, reference, referential properties

Serdobolskaya Natalia Vadimovna

Institute of linguistics (Russian Academy of Sciences), 125009, Moscow, 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane

Ph.D. in linguistics

Senior Researcher

serdobolskaya@gmail.com

1. Введение

Посессивные показатели в уральских языках интересны тем, что круг их употреблений выходит далеко за рамки выражения обладания согласно определению [Aikhenvald, Dixon 2013] – собственно обладание, родственные отношения, часть-целое – а также за рамки посессивных отношений, как они определяются в [Кибрик и др. 2006] – кроме вышеперечисленных, в этот список входит включение в группу, авторство, материал, форма, количество и т.п. За рамками данного списка уралисты выделяют следующие функции посессивных показателей: маркирование определенности [Collinder 1957: 276, Schlachter 1960, Tauli 1966: 148, Suihkonen 2005], категорий информационной структуры [Nikolaeva 2003], дискурсивных категорий [Siegl 2015], этическое значение [Künnap 2006, Kuznetsova 2003], ласкательное значение [Suihkonen 2005, Kuznetsova 2003], вокатив [Едыгарова 2010, Winkler 2011: 66], согласование с

В обоих случаях участники, обозначаемые полужирным, вводятся в предтексте и, соответственно, являются определенными; для них выбирается посессивное оформление.

В работах [Suihkonen 2005; Fraurud 2011; Serdobolskaya, Usacheva, Arkhangelskiy 2019] показано, что несмотря на возможность употребления посессивов в контекстах определенности, данные показатели не грамматикализовались в данной функции. Кроме того, они имеют ряд других функций, не все из которых предполагают определенность.

В настоящей работе мы проанализируем ряд употреблений пермских посессивов, которые не только не предполагают определенность, но и, наоборот, исключают указанную трактовку. В частности, пермские посессивы могут выступать в контекстах неопределенных именных групп (далее: ИГ), как с эксплицитными показателями неопределенности, так и без них. Рассмотрим следующие примеры:

Коми-зырянский (печорский)

(3) kutčəm-kə iz-jas seni da myj da. iz-sə
какой-INDEF камень-PL там и что и камень-ACC.P.3(SG)²

---

² В пермских языках морфологически противопоставлены посессивные показатели для прямого дополнения vs. для имен в остальных синтаксических позициях. Ниже приведены парадигмы для бесермянского и для печорского диалекта коми-зырянского.

Лицо, число	В прямом дополнени и	В номинатив е и перед падежным и показателя ми	После падежных показателе й
1 ед.ч.	-me	-e / -ê	-êm / -m
2 ед.ч.	-de/-te	-ed / -êd	-êd / -d
3 ед.ч.	-ze/-se	-ez / -êz	-êz / -z
1 мн. ч.	-mes	-mê	-êmê / -mê
2 мн. ч.	-des/-tes	-dê / -tê	-êdê / -dê
3 мн. ч.	-zes/-ses	-zê / -sê	-êzê / -zê

Таблица 1. Парадигма посессивных показателей в бесермянском диалекте удмуртского языка

Лицо	ИГ — не подлежащее и не ПД	ИГ в подлежащей позиции	ИГ в позиции ПД
1	-(y)m	-əj	-əs
2	-(y)d		-tə

boš't-i-s   žep-a-s   š'uj-i-s   et'ik-a-s
 брать-PST-3(SG)   карман-P.INESS/ILL-P.3(SG)   совать-PST-3(SG)   один-

P.INESS/ILL-P.3(SG)

{Мужик нашел в лесу избушку. В ней были какие-то сундуки, бочки. Он открыл одну бочку.} ‘Внутри песок, камни и что-то такое. Он взял **(один) камень** и положил его в **карман**, в **один из карманов**.’ [К]

В данном примере из коми-зырянского посессивным показателем оформляются имена *iz-sə* и *žep-a-s*. Оба имени выступают в контекстах, не позволяющих идентифицировать их референта единственным образом: «один из камней» (которые находились внутри бочки), «один из карманов». То есть, несмотря на неопределенный референциальный статус ИГ, обе они оформляются посессивом. Заметим, что такое употребление возможно как для посессивов в значении обладания (его карман), так и вне данного употребления (камень).

Посессивные показатели могут маркировать не только неопределенные имена, но и непосредственно неопределенные местоимения:

Коми-зырянский (печорский)

(4)   et'ik-sə   šu-i-s-ny   Fedəš'əj-ən   i məd-sə
       один-ACC.P.3(SG)   сказать-PRT-3-PL   Федосий-INSTR   и другой-ACC.P.3(SG)
       Al'ona-an   vot
       Алена-INSTR   вот

(У Еремея было двое детей.) ‘Одного звали Федосий, другую – Алёна.’ [К]

3	-(y)s	-sə
---	-------	-----

Таблица 2. Посессивные показатели печорского диалекта коми-зырянского языка

Удмуртский (бесермянский)

- (5) i o-t-ân stud'ent-jos so obš'ežit'ij-iš't-âz,
и тот-OBL-LOC студент-PL тот общежитие-EL-P.3(SG)
mar-ke-os-se pot't'a-l-o luškem.
что-INDEF-PL-ACC.P.3(SG) выходить.CAUS-MULT-EXP-PRS.3PL тайком
'И там студенты в общежитии тайком тащили много всякого разного.' [К]

В обоих примерах посессивные показатели оформляют неопределенные местоимения: к-з. *ät'ik* 'один' и удм. *marke* 'что-то'.

Далее, посессивные показатели могут выступать при вопросительных словах, ср.:

Удмуртский (бесермянский)

- (6) a **kud-iz** petux-ez? ted'i-jez il'i gord-ez?
а который-P.3(SG) петух-P.3(SG) белый-P.3(SG) или рыжий-P.3(SG)
'А который петух? Белый или рыжий?' [К]

Коми-зырянский

- (7) **kod-sə** te boš't-a-n – pon-sə al'i kan'-sə?
кто-ACC.P.3(SG) ты брать-NPST-2(SG) собака-ACC.P.3(SG) или кошка-
ACC.P.3(SG)

'Кого ты возьмешь с собой — собаку или кошку?' [Э]

Вопросительные слова вводят т.н. «неизвестное вопроса» [Янко 1999: 34] – элемент, относительно которого формулируется вопрос. Данное значение не предполагает определенности указанного элемента, однако посессивный показатель на нем не приводит к неграмматичности.

Еще одна функция, не всегда сочетающаяся с определенностью, это маркирование неопределенных ИГ с квантификаторами и числительными, например:

Удмуртский

- (8) **ž'až'eg pi-jed=pe kâk-ez** even' tare, «ma-lê
гусь сын-Р.2(SG)-СИТ два-Р.3(SG) больше.нет потом что-DAT
kâk-ez u-z luê?»
два-Р.3(SG) NEG-3 статья(SG)

‘Мол, двоих твоих гусят больше нет, [я спрашиваю,] почему это двоих нет?’ [К]

Коми-зырянский

- (9) **pyzan vyl-yn kujl-i-s kvajt kn'iga.**
стол верх-INESS лежать-PST-3(SG) шесть книга
pet'a **kujim kn'iga-sə** nu-i-s.
Петя три книга-ACC.Р.3(SG) носить-PST-3(SG)

‘На столе лежало шесть книг. Петя унес три книги (из них).’ [Э]

В этих примерах речь идет о подмножестве заранее заданного определенного множества; например, в (8) множество «твои гусята» является определенным в силу конситуации (говорящий рассказывает о своих животных), но говорящий не идентифицирует двух конкретных определенных гусят. Аналогичным образом, в (9) задается множество (шесть книг), к которому отсылает посессивный показатель в следующем предложении (три книги). Однако в этом предложении не дается описания, позволяющего идентифицировать конкретные три книги из шести.

Таким образом, посессивные показатели в пермских языках активно используются в контекстах неопределенности, в том числе с именами и

неопределенными/вопросительными местоимениями, т.е. даже при наличии эксплицитно выраженных показателей неопределенности. Данные употребления не могут быть охарактеризованы как маргинальные или «исключения», а встречаются достаточно системно. В настоящей работе мы предлагаем объяснение наблюдаемым фактам.

Исследование основано на данных бесермянского диалекта (наречия) удмуртского языка и печорского диалекта коми-зырянского языка. Мы опираемся на данные корпусов (см. beserman.ru и <http://web-corpora.net/KomiTexts/>); для бесермянского также привлекаются примеры, элицитированные в апреле 2019 г. в д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской республики; для коми-зырянского – данные элицитации 2002-2003 гг. (д. Еремеево Троицко-Печорского района Республики Коми. В случае использования материала корпусов пример сопровождается пометой [К(орпус)]; если же пример элицитирован, он дается с пометой [Э]. Ниже мы в целях краткости не даем указания на диалект.

Работа структурирована следующим образом. Сначала мы кратко охарактеризуем «непосессивные» употребления посессивных показателей, включая их функционирование в контекстах определенности ИГ; далее мы опишем посессивные показатели в ИГ с неопределенными местоимениями; наконец, мы обратимся к синтаксическим и семантическим особенностям данных показателей в конструкциях с квантификаторами со значением ‘один’, ‘много’, ‘мало’, при местоимении ‘другой’ а также при порядковых и количественных числительных.

2. Пермские посессивные показатели и формальные подходы к определенности

Хорошо известно, что употребление посессивных показателей в пермских языках, как и в других уральских языках, не ограничено ни собственно выражением отношения обладания, ни посессивными отношениями (часть-целое, родство, социальные отношения и т.п.) [Кибрик и др. 2006]. Кроме перечисленных

значений, пермские посессивы могут также выражать категории информационной структуры, дискурсивные категории и определенность ИГ. Последнее значение является ключевым для настоящей работы: пермские посессивные показатели могут использоваться для отсылки к объекту, упомянутому в дискурсе или присутствующему в конситуации, см. примеры (1)–(2) из введения. Исходя из этого, многие авторы выделяют у пермских посессивов функцию определенности. Определенность в формально-семантических работах описывается через понятие «исключительности» (*exhaustivity*), т.е. через уникальную интерпретацию референта в заданном контексте. Например, в (10) использование определенного артикля предполагает, что в данной ситуации существует единственный объект, удовлетворяющий данному описанию:

(10) Go into the next room and bring me the bag of chips lying on the bed. [Birner, Ward 1994]

Важное уточнение этого определения предложено в работе [von Stechow 1994]: описание применяется только в рамках заданной конситуации. Например, в предложении (11) референт выражения *everyone* идентифицируется единственным образом в рамках некоторой заданной ситуации (например, конкретная вечеринка), несмотря на то что *everyone* вне контекста обозначает всех людей в мире.

(11) Everyone had a great time. [von Stechow 1994: 28]

В работе [Sharvy 1980] сформулировано понятие максимальнойности (*maximality*), которое позволяет объяснить использование определенных множественных ИГ в

терминах уникальности референта. Например, в (12) референт определяется как максимальное множество книг в заданной ситуации.

(12) The books arrived.

Таким образом, множественные определенные ИГ также обладают свойством уникальной референции в заданном контексте.

Условие «исключительности»/«максимальности» является необходимым для постулирования определенности ИГ. Данное свойство в теоретических работах признается обязательным для определенных артиклей и других показателей; маркеры, не обладающие данным свойством, не трактуются как показатели определенности. В ряде работ, кроме того, было показано, что препозитивные посессивные местоимения в английском, французском и др. языках также обладают свойством исключительности [Barker 2011]³:

(13) My children are smart. (Barker 2011: 1118)

(14) Harold's tools are over there.

К. Баркер комментирует эти примеры следующим образом: в (14) обсуждаются «все инструменты Гарольда – по крайней мере, все инструменты Гарольда, релевантные для текущего дискурса»⁴ (схожим образом трактуется пример (13)).

---

³ Имеется ряд исключений, например ИГ с посессивами в предикативной позиции (*John is my friend*).

⁴ “All of Harold's tools (at least, all of Harold's tools that are going to be relevant for present conversational purposes)” [Barker 2011: 1118]

Таким образом, посессивные местоимения в английском языке служат целям уникальной идентификации референта, так же как и определенные артикли.

Свойством максимальности, кроме германских и романских языков, обладают также конструкции принадлежности (т.н. *status constructus*, или «сопряженные имена») в иврите и арабском языке, см. [Heller 2002, Dobrovie-Sorin 2004, Barker 2011]. Однако в пермских языках посессивные показатели ведут себя иначе с точки зрения максимальности. Рассмотрим следующие примеры.

Удмуртский

(15) *kal'*   ***petuk-me***   *vand-ono*   *val*   *tože,*   *marêm*   *kâk*
сейчас   петух-ACC.P.1(SG)   резать-DEB   быть.PST   тоже   HES   два
petuk,   *no*   *mar-ke*   *so* <...> *so*   *mar-ke...*   *l'abom-i-z*
петух   но   что-INDEF   тот   тот   что-INDEF   ослабевать-PST-
3(SG)

‘Сейчас надо одного из моих петухов зарезать, [у меня] два петуха, но этот что-то ослабел.’ [К]

Коми-зырянский

(16) *č'oj-əj*   *gətyr-a,*   *mužyk-a*   *že.*
сестра-P.1SG   жена-ATTR   мужик-ATTR   же

‘(Мы поехали рыбачить и спустились в поселок к сестре.) Моя сестра замужняя, замужем уже.’ [К]

В (15) рассказчица использует форму *petuk-me* для отсылки к одному из своих петухов, и далее уточняет, что петухов на самом деле два. То есть, происходит референция к известному множеству (множество «мои петухи» обладает свойством определенности в силу конситуации – разговор ведут деревенские

жители, которые знают друг про друга, что у них есть курятник, куры и петухи), однако нет возможности однозначно идентифицировать конкретный объект (элемент данного множества), о котором идет речь. Аналогичным образом, в (16) автор текста использует форму с посессивным показателем 1-го лица единственного числа, однако эта форма не позволяет однозначно идентифицировать референт, т.к. известно, что у автора две сестры. Таким образом, посессивный показатель используется для маркирования неопределенной части определенного целого. Данное употребление описано для языков коми в работе [Klumpp 2008: 125–127] в терминах «партитивной» специфичности (*partitive specificity*).

В этом плане посессивные показатели пермских языков отличаются от английских посессивных местоимений: если последние предполагают исключительность, то первые не обладают данным свойством. Например, для перевода (15) на английский необходимо было бы использовать партитивную конструкцию, *one of my roosters*.

Покажем, что исключительность не наблюдается не только в посессивном контексте, как в (15)–(16), но и в контексте референциальной отсылки, см. (17) из удмуртского и приведенный выше пример (3) из коми-зырянского.

Удмуртский

(17) **nomâr-ze=no**   tros=ges   l'uka-j,   možet=pi,
 червь-ACC.P.3(SG)=ADD   много-CMPR   собирать-PST-1SG   может=AUTOCIT
 zək   tros   kut-o   č'orêg.
 большой   много   поймать-FUT(1SG)   рыба

(Я решил пойти на рыбалку, пошел в огород копать червей.) ‘Червей собрал побольше, может, много больших рыбин поймаю.’ [К]

В (17) и (3) речь идет об объекте, принадлежащем множеству, которое вводится в предыдущем предложении (черви из огорода, камни из бочки). Так же, как и в (15)–(16), речь идет о неопределенной части определенного множества (какое-то количество червей из огорода; один камень из бочки). Для перевода данных примеров на английский требуется партитивная конструкция или показатель неопределенности (some worms, one of the stones/a stone).

Таким образом, посессивные показатели пермских языков, кроме контекстов определенности, могут выступать в случае референциальной отсылки к части определенного целого. Данное значение также зафиксировано у посессивных показателей в ижемском диалекте коми-зырянского и в луговом марийском языке [Simonenko 2017; Simonenko in press].

Для объяснения описанных свойств посессивов в ижемском диалекте коми-зырянского в работе [Simonenko 2017] предлагается анализ, который единообразно описывает как исключительное, так и не исключительное употребление:

(i) $[[3sg]]^{g,c} ([[table]]^{g,c})([[i]]^{g,c})$ is defined if $g(i)$ is not a speaker or hearer, if defined, $[[3sg]]^{g,c} ([[table]]^{g,c})([[i]]^{g,c}) = \lambda x . \lambda s . x$ is a table in s and $R(x) (g(i))$, where $R =$ possession, inclusion, context, discourse situation [Simonenko 2017]

Данный анализ охватывает и посессивные, и непосессивные употребления, т.к. функция R определяется не только как посессивная, но еще и через понятия «включение» (т.е. часть-целое), «контекст» и «дискурсивная ситуация».

Таким образом, помимо контекстов определенности ИГ, пермские посессивные показатели могут употребляться в контекстах «неопределенная часть определенного множества». Оба типа можно анализировать единообразно, см. формальный анализ в [Simonenko 2017]; неформально они могут быть описаны

сердце-ACC.P.3(SG)-Q лёгкое-ACC.P.3(SG)-Q

‘Что из этого ты купил – печень, сердце, лёгкие?’ [Э]

Ср. тж. (4)–(7) из введения. В этих примерах неопределенное / вопросительное местоимение выступает в ИГ с посессивным показателем (в коми-зырянском это модификатор при имени с посессивным показателем, а в удмуртском посессивный показатель оформляет само вопросительное местоимение). Как видно из комментариев, добавление посессивного суффикса ведет к интерпретации «выбор из известного множества». Если описывать употребление посессивных показателей в терминах определенности, то невозможно объяснить употребление посессива в таких контекстах. Это становится возможно при использовании термина «референциальная отсылка» (в том числе от части к целому): посессивный показатель в (18б) и (19б) используется для референциальной отсылки к целому (т.к. целое является определенным), а неопределенное и вопросительное местоимения выражают неопределенность части.

4. Посессивы в конструкциях с квантификаторами

Посессивные показатели широко используются в неопределенных ИГ с квантификаторами со значением ‘один’, ‘много’, ‘мало’, при местоимении ‘другой’ а также при порядковых и (реже) количественных числительных⁵:

Коми-зырянский

(20) kiš't   menum   n'euna   jəl-sə   /   jəl.
          лить.IMP   я.DAT   немного   молоко-ACC.P.3(SG)   молоко

---

⁵ Конечно, не все ИГ с числительными и квантификаторами являются неопределенными. Однако в настоящей работе нас интересуют именно посессивы при неопределенных ИГ.

‘Налей мне немного молока.’ [Э]

Такие контексты довольно часто предполагают неопределенность, как в (20): говорящий просит налить какое-то количество молока, имеющегося в конситуации. Иными словами, молоко является определенным, а его часть – нет (в контексте не дается описания, позволяющего идентифицировать эту часть).

Как видно из (20), посессивы в таких конструкциях необязательны. Ниже мы попытаемся определить их синтаксические свойства и функции в коми-зырянском и удмуртском языках.

4.1. Конструкции с квантификаторами в коми-зырянском

В коми-зырянском языке зафиксированы две конструкции, с посессивом на имени и без посессивного оформления:

Коми-зырянский

(21) i veš'ig   ət'i   č'oj-əj   vošt-i-s   kəmkət-sə.

и совсем   один   сестра-Р.1SG   терять-РРТ-3(SG)   обувь-АСС.Р.3(SG)

(Мы пошли с сестрами на луг, испугались диких лошадей и убежали.) ‘И даже одна сестра потеряла обувь.’ [К]

В (21) конструкция с посессивом обозначает часть (или подмножество) определенного множества «мои сестры». Конструкция без посессива употребляется, если нет определенного заранее множества, т.е. если квантификаторы служат не для референциальной отсылки (три/несколько/много из того множества), а только для указания на количество (нашел в лесу три/несколько/много грибов). Например, в (22) рассказчик не отсылает

слушающего к конкретному множеству бревен (много бревен из заранее известного множества), а только описывает количество перетасканных им бревен как значительное.

(22) una me seki ker kysk-al-i pel'rom vyl-yn.
 много я тогда бревно тащить-DISTR-PRT(1SG) плечо на-INESS
 'Много я тогда бревен перетаскала на плечах.' [К]

Однако даже при наличии заданного множества может быть выбрана конструкция без посессива (один мужик из трех, о которых шла речь):

(23) **ət'ik mužyk** šu-ə məd-ys-ly dozmar leb-ž'-ə.
 один мужик сказать-PRS.3SG другой-P.3(SG)-DAT глухарь лететь-SMLF-
 PRS.3SG

(Три мужика плыли в лодке.) 'Один мужик другому говорит: «Глухарка летит.»'
 [К]

В обеих конструкциях квантификатор чаще всего предшествует имени; разрывы внешним элементом довольно редки, хотя и возможны (22). При отсутствии именной вершины посессив на *ət'ik* 'один' обязателен:

(24) korzina-yn kujl-i-s-ny jablok-jas, me
 корзина-INESS лежать-PST-3-PL яблоко-PL я
ət'ik-sə / ***ət'ik** š'əj-i.
 один-ACC.P.3(SG) один есть-PST(1SG)

'В корзине лежали яблоки, я одно из них съел.' [Э]

То же правило действует для ИГ с прилагательными и атрибутивными зависимыми. Например, в (25), где нет именной вершины, посессив на прилагательном обязателен:

Коми-зырянский

(25) seni   əšin'   vyl-a-s   kujl-ə-ny   kyk taš'ti.
там   окно   верх-Р.INESS/ILL-Р.3(SG)   лежать-PRS.3-PL   два тарелка
vaj   menum   **у́зу-зук-сə**   (*у́зу-зук).
давать.IMP(SG)   я.DAT   большой-СМР-ACC.Р.3(SG)   большой-СМР

‘На столе лежат 2 тарелки. Дай мне ту, которая побольше.’ [Э]

Таким образом, посессивные показатели в конструкциях с квантификаторами в коми-зырянском распределены так же, как и в ИГ с модификаторами.

Выбор лица и числа посессивного показателя в коми-зырянском подчиняется следующим правилам. Посессивный показатель может обозначать реального посессора (ср. 1-е лицо единственного числа в (21)), однако необязательно: может использоваться форма 3-го лица единственного числа, вне зависимости от характеристик посессора. Например, в (26) данный показатель оформляет ИГ «много книг», у которой посессор – говорящий; соответственно, здесь ожидается форма 1-го лица единственного числа.

(26) una   kn'iga-sə   e-n   boš't.
много   книга-ACC.Р.3(SG)   NEG-2   брать

[Мальчик берет у говорящего книги почитать.] Много книг не бери (не прочитаешь). [Э]

Мы предполагаем, что форма 3-го лица единственного числа в подобных примерах обозначает принадлежность определенному множеству или целому, как и в ИГ с неопределенными и вопросительными местоимениями.

Если в сочетании отсутствует именная вершина, посессив выступает только в форме 3-го лица единственного числа (другие формы нами не зафиксированы).

Таким образом, посессивные показатели в коми-зырянском оформляют вершину группы (имя или, при его отсутствии, квантификатор). Форма посессивного показателя может отражать лицо и число посессора, либо отсылать к определенному множеству или целому, как и в конструкциях с неопределенными местоимениями в разделе 3.

4.2. Конструкции с квантификаторами в удмуртском

В 4.1 было показано, что в коми-зырянском конструкции с квантификаторами устроены так же, как ИГ с прилагательными и атрибутивными зависимыми. В удмуртском языке синтаксис ИГ более сложный и подчинен менее строгим правилам, поэтому мы сначала кратко опишем синтаксические особенности ИГ.

В отличие от коми-зырянского, в удмуртском посессивный показатель необязателен при отсутствии выраженной именной вершины:

(27) ma   **ted'ê**   gine   ju-i-m.

PTCL   белый   только   пить-PST-1PL

(Обсуждают алкоголь.) 'Ну мы же пьем только белое.' [К]

При элицитации носители в таких случаях считают пример без посессива неграмматичным, однако в корпусе достаточно примеров без посессива.

Далее, в удмуртской ИГ гораздо более свободный порядок слов: довольно частотна перестановка вершины и модификатора (28), а также разрыв внешним элементом (29). Кроме того, в удмуртском посессив может оформлять и модификатор, и вершину:

(28) tin' mon nəl-me zək-se š'ot-i, o-t'
 вот я дочь-АСС.Р.1(SG) большой-АСС.Р.3(SG) дать-PST(1SG) тот-PROL
 ž'ankino-e š'ot-i, nəl-me.
 Зянкино-ILL дать-PST(1SG) дочь-АСС.Р.1(SG)

‘Свою старшую дочь я отдала [замуж], отдала в Зянкино дочь.’ [К]

(29) gord-ez=na val vin-ez.
 красный-Р.3(SG)-ещё быть.PST вино-Р.3(SG)

‘Есть ещё красное вино.’ [К]

Обычно модификатор оформляется посессивом при перестановке вершины и модификатора или линейном разрыве внешним элементом, как в (28) и (29). В данных примерах оба элемента оформляются посессивным показателем, и прилагательное, и имя. Прилагательные (и другие модификаторы) в таких случаях присоединяют только посессив 3-го лица единственного числа; формы других лиц и чисел не допускаются [Arkhangelskiy, Usacheva 2016; Serdobolskaya, Usacheva, Arkhangelskiy 2019]. При модификаторах различаются только две формы, форма посессива для прямого дополнения (-se в (28)) и форма для других синтаксических позиций (-ez в (29)). Таким образом, при модификаторах противопоставляются две формы, в то время как вершина присоединяет полную посессивную парадигму.

Возможны две интерпретации данных конструкций: 1) в (28) и (29) две именных группы, у каждой из которых свой посессивный показатель, 2) квантификатор

(31) *odig-êz*   *pêd-êz*   *gol'ik*,   *odig-êz*   *noski-jen*.
один-Р.3(SG)   нога-Р.3(SG)   голый   один-Р.3(SG)   носок-INS

‘Одна нога голая, одна – в носке.’ [К]

В этом примере противопоставляются два участника с квантификатором *odig* ‘один’; соответственно, посессивный показатель на квантификаторе появляется по тем же правилам, что и на прилагательном в (29). Как и в прилагательные, квантификаторы присоединяют только посессивы 3-го лица единственного числа, см. модели (32) А–Г.

Однако, как будет показано ниже, группы с квантификаторами устроены не совсем так, как ИГ с модификаторами. Рассмотрим эти конструкции подробнее. В таких группах посессивом может оформляться вершина, квантификатор, оба элемента или ни один из них:

Удмуртский

(32)

А. квантификатор-посс + вершина-посс

odig-êz   *nêl-ê*

один-Р.3(SG)   девочка-Р.1SG

‘one of my daughters’ [К]

Б. квантификатор + вершина-посс

odig   *mad'-ed*

один   песня-Р.2(SG)

‘одна (твоя) песня’ [К]

В. квантификатор-посс + вершина

odig-âz   gord   kureg
один-Р.3(SG)   красный   курица

‘одна из рыжих куриц’ [К]

Г. квантификатор + вершина

odig   nâl
один   девочка

‘одна из девушек (которые приехали из Москвы)’ [К]

Данный набор конструкций отличает группы с квантификаторами от ИГ с модификаторами: в последних модель (в) не представлена (в корпусе такие примеры отсутствуют; следует, однако, уточнить, что примеры типа В с квантификаторами в корпусе единичны). Еще одно различие состоит в том, что, как показано в (28)–(29), в ИГ посессив оформляет модификатор, если он находится не в том компоненте информационной структуры высказывания, где вершинное имя (например, модификатор в фокусе контраста и т.п.). В группах с квантификаторами посессив также появляется при наличии контраста, однако это не обязательное условие: в корпусе довольно много примеров с посессивом на квантификаторе, в которых довольно сложно усмотреть границу коммуникативного членения. Например:

(33) vot   až'-i-z   što   nâl   murt   š'ud-e,
вот   видеть-PST-3(SG)   COMPL   девочка   человек   кормить-PRS.3SG
odig-âz   petuk-ez   evâl,   pič'i   pi   petuk   punna
один-Р.3(SG)   петух-Р.3(SG)   NEG.COP   маленький   парень   петух   из-за
mân-i-z   biž'-âsa.

идти-PST-3(SG) бежать-CVB

’Ну, он [мальчик] увидел, что девочка кормит [птиц], что одного петуха нет, вот мальчик за петухом и побежал.’ [К]

(34) *tat’ ten’=n’i petuk-te odig-ze asmes*
этот-PROL вот-уже петух-ACC.P.2(SG) один-ACC.P.3(SG) REFL.1PL
pun-i-m=n’i, tak ved’?
власть-PST-1PL-уже так ведь

’Вот сюда одного петуха мы сами положили, так ведь?’ [К]

Оба примера взяты из эксперимента по референциальной коммуникации, где участникам заранее даются карточки с иллюстрациями. В эксперименте задействована только одна карточка с петухом; соответственно, трудно предположить, что квантификатор *odig* ‘один’ здесь служит для выделения объекта из множества. Судя по контексту, в обоих предложениях вся группа «один петух» принадлежит теме высказывания. Таким образом, посессивы на квантификаторах используются не только в тех случаях, когда квантификатор и имя принадлежат различным компонентам информационной структуры – т.е. шире, нежели при прилагательных в ИГ.

Обратимся к семантике посессивных показателей на именах и на квантификаторах. Как можно видеть из примеров данного раздела, квантификатор присоединяет показатель 3-го лица единственного числа, в то время как имя может присоединять полную посессивную парадигму. Как и при прилагательных, показатели других лиц и чисел на квантификаторе недопустимы:

(35) a. *mon šor-em n’an’-ez š’i-i, muket-se*
я резать.хлеб-NZR хлеб-ACC есть-PST(1SG) другой-ACC.P.3(SG)
n’an’-ze / n’an’-me kušt-i pânâ-lâ.

хлеб-ACC.P.3(SG) хлеб-ACC.P.1(SG) бросать-PST(1SG) собака-DAT

б. *...muket-me n'an'-me...

другой-ACC.P.1(SG) хлеб-ACC.P.1(SG)

а.=б. 'Я кусок хлеба съел, а другой собаке кинул.' [Э]

Лицо и число посессора выражается только на имени, но не на квантификаторе. В (34) и (35) посессором является, соответственно, говорящий и слушающий (то есть, при отсылке к посессору ожидалось бы 1-е и 2-е лицо); в этих предложениях участники диалога обсуждают картинки, розданные им в ходе эксперимента (соответственно, посессором является слушающий, т.к. говорящий дает ему инструкцию, как разложить картинки). При этом имя оформляется соответствующим показателем, а квантификатор всегда выступает в фиксированной форме – 3-е лицо единственного числа.

Мы предполагаем, что посессивный показатель на квантификаторе обозначает отсылку к множеству, как и в случае с неопределенными местоимениями («Что из этого ты купил?» в (19б)) и с кодированием части определенного множества («Надо одного и моих петухов зарезать» в (15)). В силу этого используется форма 3-го лица единственного числа – данная форма обозначает множество, а не обладателя. Функциональную нагрузку посессивных показателей в модели А можно представить в следующей схеме:

множество «мои дочери»

посессор (говорящий)

odig-âz nâl-â

один-Р.3SG девочка-Р.1SG

‘одна из моих дочерей’, lit. ‘одна моя дочь’ [К]

Схема 1. Функции посессивных показателей в удмуртских сочетаниях с квантификаторами.

То есть, посессивный показатель на местоимении отсылает к множеству объектов, а показатель на имени – к посессору.

Различие в употреблении конструкций (А)–(Г) заключается в следующем. Если говорящий уточняет, кто является посессором, то выбираются конструкции (А) или (Б); в противном случае – конструкции (В) и (Г). Наличие посессива на квантификаторе в первую очередь зависит от того, идет ли речь об определенном множестве (одна девочка из определенного множества девочек) или нет (пришла одна какая-то девочка). В первом случае посессив на квантификаторе возможен (хотя и необязателен, ср. модель Г); во втором случае он не используется. Чем обусловлен выбор между наличием/отсутствием посессива на квантификаторе в случае определенного множества, на настоящий момент не установлено.

Таким образом, функционально рассматриваемые конструкции отличаются от ИГ с модификаторами. Сравним синтаксические свойства анализируемых структур.

В переводных аналогах данной конструкции в русском и английском языках *одна из девушек*, *one of the girls* вершиной является местоимение «один» – это подтверждается тем, что данное местоимение принимает падежно-предложное оформление от управляющего глагола (критерий морфосинтаксического локуса [Zwicky 1985; Тестелец 2001: 84–86]): увидел одну из девушек, ушел с одной из девушек и т.п. падежное управление приписывается по следующим правилам. В конструкциях (Б) и (Г) падеж оформляет только имя:

(38) t̄nad k̄k=uk paž'a-ed. vaj t̄niš't̄d
ты.GEN два-EMPH лестница-P.2(SG) давать.IMP.SG ты.GEN2
odig-ze paž'a-de âžât-l̄ gine!
один-ACC.P.3(SG) лестница-ACC.P.2(SG) немного-DAT только

‘У тебя же две лестницы, дай мне хоть одну твою лестницу ненадолго!’ [Э]

Структуры типа А могут трактоваться так же, как описанные выше конструкции с модификаторами: либо как две соположенные ИГ (при этом первая ИГ не может выражать лицо и число), либо как одна ИГ, в которой модификатор согласуется с вершиной. По-видимому, первая трактовка здесь предпочтительнее в силу аргументов, релевантных для структур с модификаторами: согласование в ИГ нехарактерно для пермских языков в принципе; посессивное оформление обычно выбирается в случае перестановки квантификатора и имени (28), а также разрыва внешним элементом (29). Такой порядок слов в принципе нехарактерен для ИГ в пермских языках, и можно предполагать, что в этих случаях имеются две ИГ. Однако для принятия решения о структуре данных конструкций необходим более подробный анализ их синтаксических свойств.

Таким образом, синтаксические свойства конструкций с квантификаторами в целом похожи на свойства ИГ с модификаторами. Однако при квантификаторах допускается конструкция, не зафиксированная для модификаторов – структура, где квантификатор присоединяет посессивный показатель, а вершинное имя не оформляется посессивом.

4.3. Обобщение

Итак, в коми-зырянском языке посессивные показатели оформляют только вершину (имя или, при его отсутствии, квантификатор), маркируя принадлежность определенному множеству.

Таким образом, посессивные показатели в коми-зырянском оформляют вершину группы. Форма посессивного показателя может отражать лицо и число посессора или отсылать к определенному множеству или целому, как и в конструкциях с неопределенными и вопросительными местоимениями в разделе 3.

В удмуртском языке зафиксировано четыре конструкции с квантификаторами, в двух из которых посессивный показатель 3-го лица единственного числа оформляет квантификатор, отсылающий ко множеству. Такое употребление посессивных показателей вполне ожидаемо, учитывая, что посессивы не обладают свойством максимальности. Одна из функций посессивных показателей – отсылка к множеству или целому; отсюда их допустимость при квантификаторах. Для посессивов, обладающих свойством максимальности, как в английском, такое употребление невозможно. В этом причина недопустимости английских посессивов при неопределенных и вопросительных местоимениях.

5. Заключение

Итак, посессивные показатели в пермских языках активно используются в контекстах неопределенности, в том числе с именами, квантификаторами и неопределенными/вопросительными местоимениями, вне зависимости от наличия эксплицитно выраженных показателей неопределенности. Данные употребления не могут быть охарактеризованы как маргинальные или как «исключения», т.к. они встречаются достаточно системно; ср. [Klumpp 2008: 125–127] об употреблении посессивных показателей для выражении «партитивной» специфичности (*partitive specificity*).

На первый взгляд, такое употребление не вписывается в значение пермских посессивных показателей, которое принято описывать через определенность или известность. Мы предлагаем объяснение наблюдаемым фактам в терминах «референциальной отсылки к множеству или целому», исходя из такого свойства посессивных показателей, как неадекватность. В отличие от английских и французских препозитивных посессивных местоимений, у пермских посессивных суффиксов нет требования уникальной идентификации референта. Они могут использоваться для отсылки к части определенного множества или целого (к.-з. *iz-sə* ‘один из [тех] камней’), и как следствие, функционируют в контексте неопределенности (неопределенная часть определенного множества или целого), квантификаторов (двое из них) и неопределенных/вопросительных местоимений. В данных конструкциях посессивный суффикс служит для референциальной отсылки к множеству или целому. В силу этого он принимает только форму 3-го лица единственного числа (различается синтаксическая позиция вершины – прямое дополнение или остальные позиции). В коми-зырянском данный показатель оформляет вершину конструкции; в удмуртском – или имя, или квантификатор.

Аналогичные особенности отмечаются у посессивных показателей других уральских языков, а также для языков других языковых семей, ср. [Simonenko in press] относительно лугового марийского и бурятского языков.

Схожие выводы делаются относительно тех языков, где вариативное оформление прямого дополнения зависит от его определенности: определенное прямое дополнение маркируется специальным показателем, а неопределенное остается неоформленным. В работе [von Heusinger, Kornfilt 2017] подробно исследуются партитивные конструкции турецкого языка, обозначающие определенную часть множества или целого. Такие ИГ в позиции прямого дополнения могут маркироваться аккузативом, а также посессивным показателем. Иными словами,

несмотря на то, что такое прямое дополнение является неопределенным, в выборе оформления оно может следовать определенной модели. Так же распределены показатели прямого дополнения в мокша-мордовском языке [Толдова 2018: 599; 604].

Таким образом, для целого ряда показателей характерно употребление в контексте определенности и для отсылки к неопределенной части множества или целого (но не в контекстах неопределенности и нереферентности). Учитывая такое функционирование данных показателей, можно заключить, что в рамках неопределенности немаловажно различать неопределенность как таковую и неопределенность части определенного множества или целого. Посессивные показатели многих уральских языков используются в обоих типах контекстов; соответственно, их, по-видимому, более корректно описывать не в терминах «показатели определенности», а как «показатели референциальной отсылки».

Литература

- Едыгарова С. 2010. Категория посессивности в удмуртском языке. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Леонтьев А. П., Хитров А. Н. 2006. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования. Вопросы языкознания, 2006, № 1. С. 16–45.
- Кузнецова А.И. 2003. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках. Кузнецова А. И. и др. (ред.) Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Русские словари. С. 250–262.
- Майтинская К. Е. 1979. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука.

- Майтинская К. Э. 1993. Финно-угорские языки. Языки мира: Уральские языки. М.: Наука. С. 20–32.
- Симоненко А. П., Леонтьев А. П. 2012. Морфосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках программы минимализма // Кузнецова А. И. (отв. ред.) Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: «Языки славянских культур», 2012. С. 262–340.
- Толдова С.Ю. 2018. Дифференцированное кодирование прямого дополнения. Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: «Буки-Веди». С. 574–608.
- Янко Т.Е. 1999. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 28–56.
- Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. 2013. Possession and ownership: A crosslinguistic typology. Oxford: Oxford University Press.
- Arkhangelskiy T. A., Usacheva M. N. 2016. Functions of the 3sg Possessive in Beserman Udmurt: Corpus Analysis. Доклад на Тринадцатой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2016 г.).
- Barker C. 2011. Possessives and relational nouns. In Semantics: An international handbook of natural language meaning, 2. Pp.1109–1130.
- Birner B., Ward G. 1994. Uniqueness, familiarity, and the definite article in English. In Proceedings of the 20th meeting of the Berkeley Linguistic Society. Pp. 93-102.
- Collinder B. 1957. Survey of the Uralic languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Décsy G. 1990. The Uralic Protolanguage: A Comprehensive Reconstruction. Bloomington, Indiana: EUROLINGUA.

- Dobrovie-Sorin C. 2004. Genitives and determiners. In Lander Y.A., Kim J.-Y., Partee B.H. (eds.) *Possessive and beyond: Semantics and Syntax*. University of Massachusetts, Amherst. Pp. 115–132.
- von Fintel K. 1994. *Restrictions on Quantifier Domains*. Doctoral Dissertation, University of Massachusetts Amherst.
- Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? In Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds.). *Dimensions of possession*. *Typological Studies in Language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. Pp. 243–267.
- Heller D. 2002. Possession as a lexical relation: evidence from the Hebrew Construct State. In *Proceedings of the West Coast Conference on Formal Linguistics 21*. 2002.
- von Heusinger K., Kornfilt J. 2017. Partitivity and case marking in Turkish and related languages. In *Glossa: a journal of general linguistics* 2(1): 20. Pp. 1–40.
- Klumpp G. 2008. *Differentielle Objektmarkierung & Informationsstruktur in Dialekten des Komi*. Dr. phil. habil. diss., München.
- Künnap A. 2006. *Historically problematic morphosyntactic features in Uralic languages*. München: LINCOM EUROPA.
- Nikolaeva I. A. 2003. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic. In Suihkonen P., Comrie B. (eds). *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Collection of papers. Izhevsk; Leipzig: Udmurt State University; Max Planck Institute of Evolutionary Anthropology. Pp. 130–145.
- Raun A. 1988. *Proto-Uralic Comparative Historical Morphosyntax*. In Sinor D. (ed.) *The Uralic languages. Description, history, and foreign influences*. Leiden, New York, København, Köln: Brill. Pp. 555–571.
- Schlachter W. 1960. *Studien zum Possessivsuffix des Syrjänischen*. Berlin: Akademie Verlag.

Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangel'skiy T. 2019. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt. In Johanson L., Nevskaya I., Mazzitelli L. F. *Linguistic possession. New insights from the languages of Europe and North and Central Asia. (Studies in Language Companion Series.)* John Benjamins, 2019. Pp. 291–311.

Sharvy R. 1980. A more general theory of definite descriptions. In *Philosophical Review* 89. Pp. 607–24.

Siegl F. 2015. The structure of noun phrases with referential Px.2p in Northern Samoyedic. In *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropology* 1 (7). Pp. 21–31.

Simonenko A. 2017. Towards a semantic typology of specific determiners. In *The 21st Amsterdam Colloquium*. Pp. 425–434.

Simonenko A. In press. Full vs. clitic vs. bound determiners. To appear in the *Oxford Handbook of Determiners*. Oxford University Press.

Suihkonen P. On the categories and functions developed from the possessive and deictic suffixes in Udmurt. In Hasselblatt C., Koponen E., Widmer A. (eds.) *Beiträge zur Finnougristik aus Anlaß des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2005. Pp. 401–427.

Tauli V. 1966. *Structural tendencies in Uralic languages*. Indiana University Publications (Uralic and Altaic Series 17). The Hague: Mouton & Co.

Winkler E. 2011. *Udmurtische Grammatik*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Zwicky A. 1985. Heads. In *Journal of linguistics*. Vol. 21. Pp. 109–132.

References

Edygarova S. 2010. *Kategoriya posessivnosti v udmurtskom yazyke [The category of possession in the Udmurt language]*. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

Kibrik A. E., Brykina M. M., Leont'ev A. P., Hitrov A. N. 2006. *Russkie posessivnye konstrukcii v svete korpusno-statisticheskogo issledovaniya [Russian possessive*

constructions: a statistical corpus study]. In *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 2006, № 1. Pp. 16–45.

Kuznecova A. I. 2003. Kumulyaciya grammaticheskikh znachenij v agglyutivnykh pokazatelyah: dejkticheskie funkcii possessiva v ural'skikh yazykah [Cumulation of grammatical meanings in agglutinative markers: deictic functions of Uralic possessive markers]. In Kuznecova A. I. e.a. (ed.) *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyj i funkcional'nyj podhody* [Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches]. Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur. Pp. 250–262.

Majtinskaya K. E. 1979. *Istoriko-sopostavitel'naya morfologiya finno-ugorskih yazykov* [Historical-comparative morphology of Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka.

Majtinskaya K. E. 1993. *Finno-ugorskie yazyki. YAzyki mira: Ural'skie yazyki* [Finno-Ugric languages. Languages of the world: Uralic languages]. Moscow: Nauka. Pp. 20–32.

Simonenko A. P., Leont'ev A. P. 2012. *Morfosintaksis imennogo kompleksa v finno-permskih yazykah: analiz v ramkah programmy minimalizma* [Morphosyntax of the nominal complex in Finno-Ugric languages: an analysis in the Minimalist framework]. In Kuznecova A. I. (ed.) *Finno-ugorskie yazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyj i funkcional'nyj podhody* [Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches]. Moscow: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2012. Pp. 262–340.

Toldova S. YU. 2018. *Differencirovannoe kodirovanie pryamogo dopolneniya* [Differential marking of the direct object]. In *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Moksha language in typological interpretation]. Moscow: Buki-Vedi. Pp. 574–608.

YAnko T. E. 1999. *O ponyatiyah kommunikativnoj struktury i kommunikativnoj strategii (na materiale russkogo yazyka)* [On concepts of information structure and

- communicative strategy (based on the data of Russian)]. In *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language]. 1999. № 4. Pp. 28–56.
- Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. 2013. *Possession and ownership: A crosslinguistic typology*. Oxford: Oxford University Press.
- Arkhangelskiy T. A., Usacheva M. N. 2016. Functions of the 3sg Possessive in Beserman Udmurt: Corpus Analysis. Talk given at the 13th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars (Saint-Petersburg, 24–26 November 2016).
- Barker C. 2011. Possessives and relational nouns. *Semantics: An international handbook of natural language meaning*, 2. Pp.1109–1130.
- Birner B., Ward G. 1994. Uniqueness, familiarity, and the definite article in English. In *Proceedings of the 20th meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Pp. 93-102.
- Collinder B. 1957. *Survey of the Uralic languages*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Décsy G. 1990. *The Uralic Protolanguage: A Comprehensive Reconstruction*. Bloomington, Indiana: EUROLINGUA.
- Dobrovie-Sorin C. 2004. Genitives and determiners. In Lander Y. A., Kim J.-Y., Partee B. H. (eds.) *Possessive and beyond: Semantics and Syntax*. University of Massachusetts Amherst. Pp. 115–132.
- von Fintel K. 1994. *Restrictions on Quantifier Domains*. Doctoral Dissertation, University of Massachusetts Amherst.
- Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? In Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds.). *Dimensions of possession. Typological Studies in Language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. Pp. 243–267.
- Heller D. 2002. Possession as a lexical relation: evidence from the Hebrew Construct State. In *WCCFL 21 Proceedings*. 2002.
- von Heusinger K., Kornfilt J. 2017. Partitivity and case marking in Turkish and related languages. In *Glossa: a journal of general linguistics* 2(1): 20. Pp. 1–40.

- Klumpp G. 2008. *Differentielle Objektmarkierung & Informationsstruktur in Dialekten des Komi*. Dr. phil. habil. diss., München.
- Künnap A. 2006. *Historically problematic morphosyntactic features in Uralic languages*. München: LINCOM EUROPA.
- Nikolaeva I. A. 2003. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic. In Suihkonen P., Comrie B. (eds.) *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Collection of papers. Izhevsk; Leipzig: Udmurt State University; Max Planck Institute of Evolutionary Anthropology. Pp. 130–145.
- Raun A. 1988. Proto-Uralic Comparative Historical Morphosyntax. In Sinor D. (ed.) *The Uralic languages. Description, history, and foreign influences*. Leiden, New York, København, Köln: Brill. Pp. 555–571.
- Schlachter W. 1960. *Studien zum Possessivsuffix des Syrjänischen*. Berlin: Akademie Verlag.
- Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangelskiy T. 2019. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt. In Johanson L., Nevskaya I., Mazzitelli L. F. *Linguistic possession. New insights from the languages of Europe and North and Central Asia*. (Studies in Language Companion Series.) John Benjamins, 2019. Pp. 291–311.
- Sharvy R. 1980. A more general theory of definite descriptions. In *Philosophical Review* 89. Pp. 607–24.
- Siegl F. 2015. The structure of noun phrases with referential Px.2p in Northern Samoyedic. In *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropology* 1 (7). Pp. 21–31.
- Simonenko A. 2017. Towards a semantic typology of specific determiners. In *The 21st Amsterdam Colloquium*. Pp. 425–434.
- Simonenko A. In press. Full vs. clitic vs. bound determiners. To appear in the *Oxford Handbook of Determiners*. Oxford University Press.

Suihkonen P. On the categories and functions developed from the possessive and deictic suffixes in Udmurt. In Hasselblatt C., Koponen E., Widmer A. (eds.) Beiträge zur Finnougristik aus Anlaß des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2005. Pp. 401–427.

Tauli V. 1966. Structural tendencies in Uralic languages. Indiana University Publications (Uralic and Altaic Series 17). The Hague: Mouton & Co.

Winkler E. 2011. Udmurtische Grammatik. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Zwicky A. 1985. Heads. In Journal of linguistics. Vol. 21. Pp. 109–132.